

Н. Е. СУЛИМЕНКО
Российский педуниверситет

ЛЕКСИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ

Анализируются социокультурные и психолингвистические аспекты коммуникативной деятельности с учетом диалогической природы общения и акцентирования роли адресата в речевой деятельности.

На пути от концепта, понятия — к слову исследования в области идеографии и лексикологии сомкнулись с психолингвистическими изысканиями. «Четыре кита» современной лингвистики пересеклись в комплексном понятии «языковая личность» [3]. Психолингвисты объявили приоритетными те лингвистические теории, в которых ведущими являются критерии психологической реальности и соответствия законам речемыслительной деятельности.

Единство психической сферы субъекта коммуникации позволяет слову быть «одновременно и знаком мысли говорящего, и признаком всех прочих психических переживаний, входящих в задачу и намерение сообщения» [1, с. 21]. Внимание к социокультурным и психологическим параметрам речевой коммуникации ввело в круг лингвистических исследований понятие структуры языковой личности как единства ассоциативно-вербального, тезаурусного и мотивационно-прагматического уровней (см. [3]). Последний, в частности, предполагает учет встречной активности адресата, выяснение коммуникативных ориентиров, лингвистических предпосылок управления речевой деятельностью в диалогическом речевом общении.

В основе новых концепций культуры речи, риторики лежат идеи гармоничного общения, без которых трудно себе представить педагогику сотрудничества и ее лингвистическое обеспечение (см. [6]). В соответствии с этим значительный интерес для анализа представляет книга Д. Карнеги «Как вырабатывать уверенность в себе и влиять на людей, выступая публично» [4]. Текст не только знакомит нас с прагматическим преломлением иной лингвистической традиции, но и, в силу своей принадлежности двум культурам, позволяет проследить за лексическим обеспечением межкультурного взаимопонимания.

Книга Карнеги отличается здоровым гуманным прагматизмом, нацелена на защиту коммуникативных прав обоих участников общения, ориентацию на определенный круг типовых и индивидуальных потребностей. Привлекают внимание не только умело высказанные рекомендации, но и их мастерское осуществление в авторской публичной речи, не утратившей обаяния даже в переводном варианте.

Приоритетными ценностями, лежащими в основе всех рекомендаций автора, являются уникальность человеческой личности, жизненность, естественность поведения, необходимость взаимной адаптации собеседников для достижения коммуникативного эффекта, удовлетворения материальных и духовных потребностей.

Особый раздел наук — речевая коммуникация, исследуемая в контексте общей коммуникации, предполагает развитие способностей к успешному публичному выступлению. В прагматически ориентированных системах обучения публичному общению «в качестве макроединиц коммуникации рассматриваются стратегии речевого поведения» [7, с. 234], в основе которых — управление коммуникатором в процессе воздействия на целевое осознание реципиентом ситуации своей будущей деятельности (см. [Там же, с. 51]). Овладение подобными стратегиями для будущего учителя-словесника приобретает особую значимость.

Тема коммуникативных стратегий выступает ведущей в тексте и снабжена разными языковыми, и в первую очередь лексическими, средствами. Это, например, прямое перечисление коммуникативных операций (разъяснить какой-то вопрос; произвести впечатление и убедить; добиться действия; развлечь), привлечение предложений, афоризмов как речемыслительных образцов (*Предвидеть — значит управлять; Мы любим искусство, которое скрывает искусство* и др.), экспликация когнитивных потребностей с опорой на лексические антонимы и их синонимические распространители в синтаксически параллельных конструкциях (*То, что совершенно ново, не интересно; то, что абсолютно старо, нас не привлекает. Мы хотим, чтобы нам рассказали что-нибудь новое о старом*). Присутствуют также прямые указания на необходимость использования коммуникативных стратегий: *Концовка речи действительно является самым стратегически важным элементом. То, что сказано в конце, слушатели, скорее всего, будут дольше помнить.*

Отмечая значение контрастов для возбуждения интереса у слушателей, внося изменения в их ценностные ориентации, автор демонстрирует блестящие образцы построения полемических текстов, отражающих диалогичность процесса познания, смену научных представлений о целях и методах обучения ораторскому искусству. Привлекаются экспрессивные средства, усиливающие речевое воздействие не только на интеллектуальную, но и на эмоциональную сферу адресата. Например: *О том, каким должно быть выступление, написано очень много вздора и пустой болтовни. Его оплели всякого рода правилами и ритуалами и придали ему нечто таинственное. Старомодная «элоквенция» [красноречие], этот кошмар, поощрение божеского и человеческого, часто придавала ему нелепый вид... Со времен Гражданской войны в США возникла совершенно новая школа публичных выступлений. В соответ-*

ствии с духом времени речь стала простой и ясной, как телеграмма. Современная аудитория не будет терпеть словесных фейерверков, бывших когда-то в моде... Отметание старых и утверждение новых риторических канонов подчеркнuto противопоставлениями типа старомодный / современный, таинственный / простой и ясный, телеграмма / словесный фейерверк; стилистически контрастными средствами «элоквенция» / кошмар, поношения; оценочной лексикой со сниженными коннотациями вздор, пустая болтовня, нелепый; приемом градации оценки через серию обособленных приложений.

Автор умело использует воздействующую силу приема сопоставления несопоставимого, требующего от читателя или слушателя активного поиска общего в разном, поражающего неожиданностью новых ассоциаций, обеспечивающего доступность новой информации при восприятии. Например: *Оратор раздумывал над своими идеями в течение определенного времени, однако все они являются новыми для слушателей, попадают в них подобно заряду дроби. Некоторые из них могут затронуть их, но большинство пролетает мимо.* В этой фразе неоднозначность глагола *пролетать* проецируется на сближение разных актантов.

Защищая неподготовленность адресата, аудитории, автор решительно обезоруживает неудачливого оратора парадоксальными сближениями (речь шла о епископе, члене палаты лордов, толковавшем солдатам в окопах об «интернациональной дружбе» и о «праве Сербии на место под солнцем»): *Куда там. Половина из них не знала, что такое Сербия: город или название болезни. Что касается итогов его речи, то он с таким же успехом мог произнести высокопарный панегирик по поводу небулярной космогонической теории.* Привлечение специального термина узкой сферы применения призвано подчеркнуть ограниченность информационного тезауруса даже сравнительно развитой в интеллектуальном отношении аудитории. Ср. еще: *Некоторые ораторы вообще не могут добраться до конца своего выступления. Где-то в середине они начинают быстро и бессвязно говорить и как бы давать перебои, подобно двигателю, в котором почти кончилось горючее, и после нескольких отчаянных рывков они полностью останавливаются. Авария. Конечно, им нужна более тщательная подготовка, и необходимо больше практики — больше бензина в баке.* Непрерывность сравнения, особенно действенного в исходной национальной культуре, поддерживается речевой многозначностью глаголов *добраться, останавливаются*, входящих и в ЛСГ движения и группу говорения (по связанным значениям).

Культура обращения с адресатом проявляется в прямых дидактических рекомендациях типа: *Трудно, очень трудно для средней аудитории в течение длительного времени слушать а-*

страктные заявления. Легче, и причем намного легче, слушать иллюстрации. Почему бы не начать с одной из них? или: Хорошее выступление — это прежде всего разговорный тон и непосредственность, несколько акцентированные. Внесите в выступление свою индивидуальность, свою собственную, свойственную вам манеру. Мысль о необходимости имитации разговорной речи постоянно подчеркивается Карнеги, но не по техническим мотивам, а в связи с субъективным началом разговорной речи, отличающейся неофициальным характером общения.

Ориентация на прием диалогизации монолога, психологической основой которого является диалогичность процесса познания и мышления человека, специально подчеркивается автором: *Говорите со слушателями так, как будто вы ожидаете, что они сейчас встанут и будут отвечать вам. Если бы они задавали вопросы, ваше выступление почти наверняка сразу же значительно улучшилось бы. Поэтому вообразите себе [установка на диалог.— Н. С.], что кто-то задал вам вопрос и что вы отвечаете на него... ваша фразеология не будет более официальной, это согреет и очеловечит выступление.*

В содержании и способах построения речевых рекомендаций находит воплощение идея о единстве психической сферы человека, о необходимости воздействия на все уровни ее структуры (интеллектуальный, эмоциональный, волевой, ценностно-мотивационный): *...для хорошего выступления самое главное — именно ощущение контакта с аудиторией. Слушатели должны чувствовать, что некое послание идет непосредственно из головы и сердца оратора к их сознанию и к их сердцам.*

В разнообразных ситуациях отражается воздействие на отдельные стороны этой структуры: *Начало выступления представляет наибольшую трудность, но в то же время оно является исключительно важным, ибо в этот момент ум слушателей свеж и на него сравнительно легко произвести впечатление.* Подчеркивая необходимость смыслового курсива, в то же время не давая слушателю заметить его, автор, по существу, указывает важность смыслового и лексического повторов как возбудителей той более общей информации, которая возникает и закрепляется в сознании слушателей.

Некоторые психолингвисты упрекают Карнеги в отсутствии эвристических моментов в его рекомендациях, в стереотипизации коммуникативных реакций. Лексикологический анализ текста не позволяет полностью согласиться с подобными замечаниями, поскольку момент изучения сам по себе предполагает некоторую стереотипизацию речевых навыков, связанную с теми или иными типовыми целями коммуникации и ее условиями.

Активизация структурных уровней сознания особенно ощущима в межкультурном взаимопонимании. Оно может строить-

ся двумя способами — «безлакунно» и с помощью восполнения культурологических и языковых лакун.

Обеспечение «безлакунного» способа основано на общности внеязыковых знаний и опыта участников коммуникации, а также на свободе ассоциирования в пределах общего опыта. При изучении семантических полей, содержательных блоков слов «укрепляется ощущение семантического универсализма, содержательного единства языков, их принципиальной взаимной переводимости» [5, с. 108]. Так, общность культурных реалий, преемственность познания делают прозрачным сравнение неудачного оратора с «обеденным колоколом»: *...когда он поднимался на трибуну, члены палаты начинали кашлять, шаркать ногами и толпами покидали зал. Со звуком этого колокола у читателя связывается не только сигнал к перерыву на обед, но и ощущение скуки, монотонности речи выступающего.*

«Безлакунный» способ взаимопонимания связан и с общеизвестными географическими и культурно-историческими реалиями, отраженными в излюбленных Карнеги контекстах: *Запомните, что обычный человек будет более обеспокоен тем, что от него хочет уйти повар, чем проблемой выплаты Италией своих долгов Соединенным Штатам. Его больше выведет из себя тупое лезвие бритвы, чем революция в Южной Америке... Или: Та речь, которую я только что описал, могла быть с тем же успехом произнесена в песчаной безводной пустыне Гоби. И действительно, она звучала так, как будто была произнесена в подобном мест, а не перед группой живых людей.* Не менее понятно сравнение неторопливого вступления, рекомендуемого старыми риториками, с поездкой в кабриолете, а людей вокруг энергичного оратора — со скоплением диких гусей вокруг поля озимой пшеницы.

Не столь прозрачны для понимания и требуют специальных знаний и игры воображения следующие фрагменты, содержащие относительные культурологические лакуны: *Вам приходилось видеть людей, которые глядят по сторонам в поисках стула, сопровождая это движениями, напоминающими английскую гончую, укладывающуюся спать.* И далее очень наглядно описываются эти движения, вызывая комический эффект: *Они вертятся вокруг, а когда обнаруживают, наконец, стул, то скручиваются и проваливаются в него, словно мешок с песком.* Ср. еще: *Даже такой утонченный денди, как Дизраэли, не мог преодолеть этого соблазна [класть руки в карманы.— Н. С.].* Здесь специфическая реалья создает уже квазипонимание.

Наконец, наличие в некоторых рекомендациях абсолютных культурологических лакун делает их неприемлемыми для носителей другой культуры: *Фраза «белый петух бантамской породы со сломанной ногой» вызывает в вашем представлении значительно более ясную и четкую картину, чем*

простой термин «домашняя птица» (автор говорит о необходимости опоры на сферу представлений слушателей. Однако в данном случае образный компонент лексического значения как раз затушеван специальным обозначением породы). Близко к этому: *Когда вы говорите «черный шотландский пони», то разве это не выразительнее, чем простое слово «лошадь»?* (иноязычные читатели, очевидно, ответят «нет»).

Даже абсолютные культурологические лакуны не бывают бессодержательными. Активизируя определенные зоны сознания адресата самой своей непонятностью, они наполняются личностными смыслами: *Несмотря на прогресс, достигнутый в других отношениях, некоторых школьников до сих пор заставляют декламировать высокопарные речи Вебстера и Ингерсолла — нечто столь же устарелое и далекое от духа нашего времени, как шляпки миссис Ингерсолл и миссис Вебстер, если бы они вдруг воскресли и появились в них.* Эпитеты автора помогают восполнить, компенсировать лакуны.

Иногда важна не сама экзотическая реалья (хотя и это будит воображение), а то, во имя чего она упоминается. Например: *Их [правил красноречия.— Н. С.] не будет на этих страницах, ибо, как заметил в веселую минуту Джош Биллинг, нет смысла знать так много вещей, если они не такие, какими кажутся.*

Однако нередко оказываются зыбкими границы между культурологическими и языковыми лакунами, эти границы во многом определяются уровнем знаний интерпретатора. При необходимости языковые лакуны помещаются в примечаниях редактора переводного текста: *«Сладкое мясо» — зубная и поджелудочная железы.* В иных случаях, даже при детальном описании реалии, стоящей за словом, собственно языковые ассоциации могут оказаться не востребуемыми, а образ — обедненным: *...пусть выступающий будет виден, как заснеженная вершина Юнгфрау, возвышающаяся на фоне голубого неба Швейцарии* (за именем собственным скрыты ассоциации с чистой, высокой,стройной девушкой). Только родовое обозначение воспринимается в следующих сравнениях: *Одно или два важных слова возвышаются над ней [фразой.— Н. С.], подобно небоскребу «Эмпайр стейтбилдинг» на Пятой авеню в Нью-Йорке; Малейшее несоответствие в его [оратора.— Н. С.] внешнем виде так же бросается в глаза, как пик среди равнин.*

Автор постоянно подчеркивает, что успех коммуникации зависит от ориентации оратора в сфере жизненно важных интересов и потребностей слушателей. Это отражается и на овладении коммуникативно-речевыми стратегиями, культурно-речевыми навыками: *...каждый день о нас судят по нашей речи. Наши слова показывают нашу интеллигентность; они говорят прощательному слушателю о том обществе, в котором мы живем; они указывают на наш уровень образования и культу-*

ры... О нас судят на основании того, что мы делаем, как мы выглядим, что мы говорим и как мы это говорим. Отсюда необходимость завоевывать уважение тех, с кем мы общаемся, и не оскорблять слух внимательных слушателей. Владение языком рассматривается как важнейший способ контакта с миром: Его неправильный английский язык неопровержимо свидетельствует всему миру, что он не является культурным человеком.

Показательно, что огромную роль в активных занятиях по пополнению словарного запаса Карнеги отводит словарю тезаурусного типа, поиску собственного идеостилия: *Не употребляйте истертых и избитых слов. Будьте точными при выражении своих мыслей. Держите словарь Роже «Сокровищница слов» на вашем письменном столе.*

Образной основе восприятия сознательно уделяется очень важное место. Ей посвящен один из разделов книги, который называется «Слова, создающие картину».

Известно, что 90 % информации человек воспринимает через органы зрения, а на глубинном уровне визуальная и вербальная информация подобны. Это не может не учитываться в коммуникативных стратегиях. Поэтому понятен призыв автора: *Насыщайте вашу речь фразами, создающими образы, а также словами, которые вызывают перед вашими глазами целую вереницу картин (т. е. создают эффект кинематографического ряда). Или: Используйте зрительное восприятие слушателей... Будьте определенными. Не говорите слова «собака», если вы имеете в виду «фокстерьера с черным пятном над правым глазом».*

Для облегчения восприятия автор пользуется, например, образными сравнениями: *Они бросаются в глаза в каждом предложении, и их так же много, как кроликов в Австралии (общедоступное, «безлакунное» и наглядное сравнение). Некоторые образы могут показаться примитивными, но они привлекают своей безыскусственностью, ориентацией на нормы живой речи и возможностью использования в практике работы по развитию устной речи: Юмор должен быть глазурью на торте, шоколадом между слоями торта, но никак не самим тортом (опора не только на зрительные, но и на вкусовые ощущения; актуализация в компонентах сравнения сем «изысканный», «утонченный», «представленный в дополнение к основному»).* Успех оратора увеличивает апелляция к бытовым ассоциациям: *Разве шофер просто бросает пакет в вашем дворе? Разве передать вещь — то же самое, что вручить ее? Почтальон, приносящий телеграмму, доставляет ее непосредственно тому, кому она адресована. Но удается ли это всем ораторам?* В серии риторических вопросов задействованы в аргументации свободные и связанные значения глаголов общей ЛСГ передачи, соотносящие нормы и стандарты практической и речевой деятельности.

Особое внимание автор уделяет эмоциональной сфере участников коммуникации, обеспечению эмоционального контакта, доверия к оратору, без которого информация не будет восприниматься всерьез. Эффект воздействия достигается за счет использования тематических оправданной лексикой, образных выражений, удачных сравнений, эмотивных, оценочных коннотаций слов и фразеологизмов, их многократных повторов, привлечения приема иронии в полемике: *Искренность, подъем и глубокая убежденность тоже помогут вам. Когда человек находится под влиянием своих чувств, на поверхность выступает его подлинная сущность. Препяды падают. Пламя эмоций сжигает все барьеры. Он вложил душу в то, что говорил, и его изложение было действительным потому, что оно опиралось на подлинную красоту его собственной внутренней жизни.*

По замечаниям наших психологов, «...не будет безосновательным утверждать, что Карнеги дает современной науке больше, чем взял от нее, хотя вроде бы и не претендует на что-то большее, чем популяризаторство» [2]. Интерес к книгам Карнеги не угасает именно в силу их человековедческой направленности, вне которой гуманитарные науки перестают быть таковыми.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Виноградов В. В.* Русский язык (грамматическое учение о слове). М., 1972.
2. *Зинченко В. П., Жуков Ю. М.* Предисловие // Карнеги Д. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. М., 1990.
3. *Караулов Ю. Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.
4. *Карнеги Д.* Как вырабатывать уверенность в себе и влиять на людей, выступая публично. М., 1989.
5. *Кузнецов А. М.* Варианты лексико-парадигматических структур // Языки мира. Проблемы языковой вариативности. М., 1990.
6. *Михальская А. К.* К современной концепции культуры речи // Филологические науки. 1990. № 5.
7. *Оптимизация речевого воздействия.* М., 1990.

Функциональная семантика слова. Екатеринбург, 1994

М. В. ТРОСТНИКОВ

Московский лингвистический университет

ПЕРЕВОД И ИНТЕРТЕКСТ (Анненский и Верлен)

Сопоставляется поэзия П. Верлена как предтечи европейского декаданса и И. Анненского, стоявшего на пороге русского декаданса, поэтический язык которого ориентирован на предшествующую литературную традицию.

В последние годы широкую известность получила теория интертекста. Она может быть рассмотрена в трех основных аспектах: